

Н.В. ЮДИН

АНГЛИЙСКОЕ И ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Одной из характерных черт развития современной исторической науки является все возрастающий интерес исследователей, в том числе отечественных¹, к изучению “человеческого” измерения тех или иных исторических событий и явлений, связанных с радикальными социальными потрясениями и переломами. К числу таких поворотных моментов мировой истории можно с полным основанием отнести и Первую мировую войну². Неудивительно, что именно изучение социально-психологического опыта воюющих обществ является в настоящее время одним из наиболее динамично развивающихся направлений и в зарубежной и в отечественной историографии Первой мировой войны³.

Актуальность обращения к подобной проблематике обусловлена также тем обстоятельством, что она является и одной из самых дискуссионных в западной историографии Первой мировой войны. Если в 60–70-е годы XX в. большинство зарубежных исследователей сходились во мнении, что в начале Первой мировой войны патриотический подъем охватил население всех европейских держав, что новая война была встречена современниками с энтузиазмом⁴, то с конца 70-х годов XX в. эта традиционная точка зрения все чаще стала подвергаться критике. Во многом поворотным моментом в этом отношении стал выход в свет фундаментального исследования французского историка Ж.-Ж. Беккера. Опираясь на широкий массив архивных документов и материалов прессы, Ж.-Ж. Беккер продемонстрировал сложность и неоднозначность отношения совре-

Юдин Николай Вадимович — кандидат исторических наук, преподаватель факультета мировой политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ См. например: Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Первая мировая война: пролог XX в. М., 1998; *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург, 2000; *ее же*. “Настроение 1914 года” в России как феномен истории и историографии. — Российская история, 2010, № 2; Мировые войны XX в., в 4-х кн. Кн. 2. Первая мировая война: документы и материалы. М., 2002; Мировые войны XX в., в 4-х кн. Кн. 1. Первая мировая война. М., 2005; Война и общество в XX в. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008; *Голубев А.В., Поршнева О.С.* Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012.

² *Виноградов В.Н.* 1914 год: быть или не быть войне? — Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. М., 2006, с. 161.

³ *Писарев А.Ю.* Новые подходы к изучению Первой мировой войны. — Новая и новейшая история, 1993, № 3; *Козенко Б.Д.* Отечественная историография Первой мировой войны. — Новая и новейшая история, 2001, № 3; *Васюков В.С.* К историографии внешней политики России в годы Первой мировой войны (1914–1917). — Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994.

⁴ *Taylor A.J.P.* Illustrated History of the First World War. New York, 1964; *Wohl R.* French Communism in the Making, 1914–1924. Stanford, 1966; *Marwick A.* War and Social Change in the Twentieth Century. New York, 1974; *idem.* The Deluge. British Society and the First World War. New York, 2006.

менников к разразившейся войне, поставил вопрос о разнице в восприятии событий лета 1914 г. представителями различных социальных, политических, возрастных групп. Он решительно выступил против идеи, что патриотический подъем, энтузиазм были основными формами реакции воюющих обществ в начале Первой мировой войны. По его мнению, она явилась для подавляющего большинства людей полной неожиданностью и вызвала чувства подавленности, страха и тревоги⁵.

Эта идея получила развитие в работах 80 – 90-х годов XX в., посвященных проблемам патриотического подъема в Англии и Франции⁶. В них обнаружилась тенденция к своего рода “нормализации” и “банализации” социального и психологического опыта 1914 г. Так, Дж.М. Уинтер отметил, что ни в добровольческом движении в Англии, ни в успехе мобилизации армий в континентальных державах не было ничего необычного, что эти факты нельзя рассматривать как свидетельства популярности новой войны⁷. В 90-е годы XX в. в западной историографии ставился под вопрос сам факт существования патриотического подъема как широкого общественного настроения⁸. Исследователи стали писать о “мифе 1914 года”⁹. Эта тенденция получила широкое распространение и в новейших исследованиях¹⁰. Наличие столь противоречивых оценок в историографии говорит о необходимости дальнейшего изучения данной проблемы.

Чтобы приблизиться к пониманию уникальной морально-психологической атмосферы, сложившейся в европейских обществах в период Первой мировой войны, нужно обратиться к хронологически последовательному анализу событий 1914–1915 гг. и реакции на них современников. Экстремальная ситуация резкого перехода от мира к войне вывела вопросы самоидентификации в число самых злободневных для воюющих обществ. Перестав быть достоянием узкого круга интеллектуалов, они взволновали общественное мнение стран в целом. Этому способствовала и принципиально новая природа войны 1914–1918 гг. Она больше не была делом только профессиональных армий, а вовлекла в свою орбиту гражданское население всех воюющих стран в масштабах, ранее невиданных.

Данная статья посвящена изучению реакции гражданского, тылового населения Англии и Франции на начало Первой мировой войны. Необходимо проанализировать и сопоставить особенности патриотического подъема в рассматриваемых странах: сравнить реакцию на начало Первой мировой войны населения Англии и Франции, выявить отличительные черты, которые были присущи реакции представителей различных социальных групп, и проследить динамику эволюции общественных настроений по мере затягивания военных действий.

Наибольшей остротой переживаний отличались первые дни новой войны. В августе 1914 г. по всем воюющим странам прокатилась волна патриотических манифестаций, митингов и выступлений. В случае политических элит этот подъем наиболее ярко выразился в лозунге “священного единения”, призыве ко всем политическим силам прекратить на время военных действий борьбу за власть, установив партийное перемирие, объединить свои усилия с целью отражения внешней угрозы¹¹. Появив-

⁵ Becker J.-J. 1914: Comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris, 1977.

⁶ Stromberg R.N. Redemption by War. The Intellectuals and 1914. Lawrence, 1982; Bond B. War and Society in Europe, 1870–1970. Bungay, 1984; Liddle P.H. Voices of War. London, 1988; Winter J.M. The Experience of World War I. Edinburg, 1988.

⁷ Winter J.M. Op. cit., p. 118–119, 164–166.

⁸ Winter J.M., Baggett B. 14–18: Le grand bouleversement. Paris, 1997; Schor R. La France dans la Première guerre mondiale. Paris, 1997.

⁹ Schor R. Op. cit., p. 37–38; Winter J.M., Baggett B. Op. cit., p. 52–56.

¹⁰ Verhey J. The Spirit of 1914: Militarism, Myth, and Mobilization in Germany. Cambridge, 2006; Loez A. 14–18. Les refus de la guerre. Une histoire des mutins. Paris, 2010; *idem*. La Grande guerre. Paris, 2010; Mulligan W. The Origins of the First World War. Cambridge, 2010.

¹¹ Ревякин А.В. Французский национализм и Первая мировая война. – Война и общество в XX в., кн. 1, с. 239–240.

шись во Франции, лозунг “священного единения” был подхвачен во всех странах Антанты и активно применялся политиками и публицистами для описания атмосферы тех дней.

Во Франции 4 августа 1914 г. председатель правительства Р. Вивиани зачитал перед обеими палатами парламента обращение президента республики Р. Пуанкаре, который призвал всех французов к “священному единению” перед лицом внешнего врага¹². Его поддержали представители всех политических партий, в том числе и социалисты. Русский посол в Париже А.П. Извольский доносил в Петербург: “Я всегда верил, что когда наступит грозный час, все, или почти все, французские партии соединятся в одном патриотическом порыве; но действительность превзошла все ожидания, и сами французы были поражены удивлением перед картиной знаменитого заседания Палаты депутатов 4 августа, на котором против войны не раздалось ни одного (так в тексте. – Н.Ю.) голоса, даже со скамей крайних социалистов-революционеров”¹³. Действительно, к тому моменту от социалистической оппозиции правительству не осталось и следа, депутаты-социалисты единогласно проголосовали за военные кредиты¹⁴. Впрочем, “священное единение” охватило отнюдь не только социалистов. Видный политический и общественный деятель Третьей республики Ж. Клемансо, до этого выступавший как яростный противник и критик Р. Пуанкаре, “помирился” с президентом, навестив его в Елисейском дворце и похвалив его выступление в парламенте¹⁵.

Схожую картину мы увидим, если обратимся к рассмотрению первой реакции на начало войны английских правящих элит¹⁶. Еще 2 августа 1914 г. лидер консерваторов Э. Бонар Лоу заверил правительство в полной поддержке со стороны оппозиции любых его мер, направленных на вовлечение страны в войну¹⁷. После нарушения Германией нейтралитета Бельгии и выступлений в парламенте главы Форин Офис Э. Грея 3 августа и премьер-министра Г. Асквита 5 августа, объяснявших вступление Англии в войну на стороне Антанты, практически исчезла антивоенная либеральная оппозиция в парламенте¹⁸. Отражением установившегося в английской политической элите “священного единения” стало единогласное одобрение парламентом 7 августа 1914 г. военного кредита в размере 100 млн. фунтов стерлингов, а 8 августа – чрезвычайного Закона о защите королевства, наделявшего правительство самыми широкими правами во имя успешного ведения войны, в стране было приостановлено действие Хабеас корпус акта, были введены и другие ограничения в сфере личных прав и свобод¹⁹.

Для лейбористов важен был вопрос: поддержать ли свое правительство в новой войне или же остаться верными интернационалистским и пацифистским идеалам? Большинство парламентариев-лейбористов высказались за поддержку военных усилий либерального кабинета²⁰. Однако многие видные деятели партии не смирились с этой

¹² *Annales de la Chambre des députés*. 11 Législature. Débats parlementaires. Session de 1914, t. 2. Paris, 1915, p. 907–926.

¹³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 133, оп. 470, 1914 г., д. 59, л. 8.

¹⁴ *Wohl R.* Op. cit., p. 51.

¹⁵ *Прицкер Д.П.* Жорж Клемансо. М., 1983, с. 193; *Пуанкаре Р.* На службе Франции, 1914–1915. М. – Минск, 2002, с. 22–23.

¹⁶ *Keiger J.F.V.* Britain’s “Union Sacrée” in 1914. – *Les Sociétés européennes et la guerre de 1914–1918*. Paris, 1990, p. 46.

¹⁷ *Medlicott W.N.* Contemporary England, 1914–1964. New York, 1967, p. 12; *Nomikos E.V., North R.C.* International Crisis: The Outbreak of World War I. London, 1976, p. 206.

¹⁸ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1914 г., д. 9, л. 86; *Parliamentary Debates, Official Report, House of Commons, Ser. V* (далее – Н.С. Deb.). London, v. 65, col. 2073–2085; *Прокопов А.Ю.* Война и вопросы социально-политического развития Великобритании. – Война и общество в XX в., кн. 1, с. 265; *Marwick A.* The Deluge..., p. 72.

¹⁹ *Прокопов А.Ю.* Указ. соч., с. 267.

²⁰ *Соловьев С.А.* Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы Первой мировой войны. М., 1985, с. 24.

новой политикой. Лидер парламентской фракции Лейбористской партии Дж.Р. Макдональд подал в отставку²¹.

Важно отметить, что проявления патриотического подъема, охватившего в начале войны политические элиты и интеллигенцию в странах Антанты, отнюдь не ограничивались одними лишь публичными декларациями в духе “священного единения”. Во Франции бывший военный министр А. Мессими во время войны командовал стрелковым батальоном. Сыновья П. Думера, бывшего председателя Палаты депутатов, ушли на фронт добровольцами. Сражался на фронте и был взят в плен сын министра иностранных дел Т. Делькассе. На фронте погиб единственный сын бывшего председателя Совета министров Л. Барту²². Многие французские интеллектуалы отказывались от своих предвоенных пацифистских и социалистических убеждений и, движимые чувством гражданского долга, спешили влиться в ряды действующей армии, не словом, а делом выступить в “защиту цивилизации”²³. На фронт ушли такие известные писатели и ученые: Ш. Пегй, Э. Псишари, А. Фурнье, Л. Перго, Ж. Дюамель, Р. Доржелес, А. Барбюс, А. Мале, Э. Шартье (Алэн)²⁴. Реакция лидеров французского общественного мнения на начало войны является своего рода проекцией, в миниатюре отражающей тенденции, характерные и для остальных групп французской интеллигенции. По данным историка Ф. Коше, из 35 тыс. школьных учителей, отправившихся на фронт, 8417 погибли в ходе военных действий, т.е. домой не вернулся каждый четвертый²⁵.

Те же тенденции в отношении непосредственного участия представителей политических элит и интеллигенции в боевых действиях были характерны и для Англии: “половина школьных учителей ушли в годы войны на фронт, их место заняли преподаватели в отставке, бывшие учительницы, священники. 13,5 тыс. студентов Оксфордского университета записались в армию, из них почти пятая часть погибла; схожая ситуация имела место и среди учащихся Кембриджского университета”²⁶. На войне погиб сын премьер-министра Великобритании Г. Асквита; лидер консерваторов Бонар Лоу потерял двух сыновей²⁷. Историк Дж.М. Уинтер, характеризуя ситуацию в Англии во время Первой мировой войны, отметил, “чем более высокое положение занимал человек на социальной лестнице, тем выше была вероятность, что он запишется добровольцем”²⁸. По данным А.Ю. Прокопова, “около 40% молодых людей – выходцев из аристократических семей и представителей высокооплачиваемых профессий... добровольно записались в армию”²⁹.

Представители политических элит и интеллигенции, не подлежавшие зачислению на действительную службу в армии, посвящали себя пропагандистской работе, популяризации новой войны в народе, объясняя ее причины и цели со страниц средств массовой информации³⁰. Английские интеллектуалы поспешили придать новой войне образ принципиального столкновения наций, рас, цивилизации и варварства, крестового похода против зла, против “правления железа и крови”³¹. В этой кампании принимали участие писатели Г. Уэллс, Р. Киплинг, А. Конан Дойль, Г. Мюррей. Не отставали и

²¹ Carsten F.L. War against War. British and German Radical Movements in the First World War. London, 1982, p. 25.

²² Пуанкаре Р. Указ. соч., с. 172, 183, 221, 402.

²³ Палеолог М. Указ. соч., с. 115–116.

²⁴ Becker J.-J. La Première guerre mondiale. Paris, 1985, p. 56; Smith L.V., Audoin-Rouzeau S., Becker A. France and the Great War, 1914–1918. Cambridge, 2003, p. 55.

²⁵ Cochet F. Survivre au front 1914–1918: Les Poilus entre contrainte et consentement. Paris, 2005, p. 56.

²⁶ Прокопов А.Ю. Указ. соч., с. 271.

²⁷ Bourne J.M. Britain and the Great War, 1914–1918. New York, 1989, p. 204.

²⁸ Winter J.M. Op. cit., p. 119.

²⁹ Прокопов А.Ю. Указ. соч., с. 271.

³⁰ Пуанкаре Р. Указ. соч., с. 35, 79–80.

³¹ Whyte I.B. Anglo-German Conflict in Popular Fiction, 1870–1914. – The First World War as a Clash of Cultures. Rochester, 2006, p. 43; Mulligan W. Op. cit., p. 4.

представители академических кругов. С серией памфлетов, объяснявших причины и цели европейской войны, выступили преподаватели Оксфорда³². С особым энтузиазмом в пропагандистскую кампанию включились английские историки. Как справедливо отмечает исследователь С. Уоллас, “грань между историей и пропагандой может быть очень тонкой, тем более в военное время”, поэтому нет ничего удивительного в том, что исторические сочинения скоро превратились в “тяжелую артиллерию” войны идей и идеологий³³.

Французские ученые, особенно историки и философы, также решительно поддерживали новую войну³⁴. Они, наравне с писателями и журналистами, уже в первые дни войны задали основные сюжеты и мотивы, в рамках которых развивалась пропаганда в последующие годы. Философ А. Бергсон полагал, что новая война представляет собой решительное столкновение цивилизации с варварством, олицетворением которого являлась кайзеровская Германия³⁵. В создании патриотической культуры и в антигерманской пропаганде активное участие принимали ученые с мировым именем Э. Лависс, Э. Дюркгейм, Э. Бутру, Ш. Сеньобос.

Подъем охватил не только высшие сословия и правящие классы стран Антанты, но и широкие народные массы, городских и сельских жителей. В Париже первые дни августа 1914 г. были отмечены многочисленными и разнообразными проявлениями патриотических чувств со стороны горожан. Манифестациями, проходившими под лозунгами “Да здравствует Франция!”, “Да здравствует армия!”, были встречены приказ о мобилизации, известие о вступлении в войну на стороне Антанты Англии, проводы полков³⁶. Конечно, было бы ошибкой утверждать, что все столичное население встретило войну с воодушевлением. Подобные проявления эмоций, как полагают исследователи, были характерны только для определенных ситуаций, как например, для проводов солдат на фронт³⁷. Многие источники вообще не содержат упоминаний о патриотических манифестациях или энтузиазме в Париже. Историк М. Блок в своих воспоминаниях писал, что атмосфера во французской столице отличалась спокойствием, даже торжественностью³⁸. О поразительном спокойствии парижан писал и английский посол во Франции Ф. Берти³⁹.

В то же время, признание ограниченной репрезентативности свидетельств об энтузиазме, охватившем парижан в начале войны, никак не может быть доказательством ее непопулярности или отсутствия патриотического подъема у современников. “Военный энтузиазм” был значительным, но отнюдь не единственным элементом “настроения 1914 года”. Гораздо более важным и показательным с точки зрения характеристики настроений тылового населения представляется чрезвычайно успешная мобилизация армии в августе 1914 г. Министерство внутренних дел и Военное министерство прогнозировали, что от набора в армию уклонится 10% мужчин призывного возраста. Однако в реальности количество уклонистов не превысило и 1%⁴⁰. Успех мобилизации является главным показателем существования во французском обществе широкого патриотического подъема в начале войны. О его общенациональном масштабе свидетельствуют материалы французских архивов, в частности, донесения префектов из различных департаментов республики, освещающие ход мобилизации в подотчетных им местностях.

³² Bourne J.M. Op. cit., p. 212.

³³ Wallace S. War and the Image of Germany. British Academics, 1914–1918. Edinburgh, 1988, p. 167.

³⁴ Пуанкаре Р. Указ. соч., с. 35, 80, 183–184, 295.

³⁵ Mulligan W. Op. cit., p. 4; Schor R. Op. cit., p. 74; Becker A., Inglis K. War and Faith: The Religious Imagination in France, 1914–1930. Oxford, 1998, p. 11.

³⁶ Barnard Ch.I. Paris War Days. Boston, 1914, p. 5–44; Gibbs P. L'âme de la guerre. Paris, 1916, p. 26–27; Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю, т. 2. М., 1955, с. 23.

³⁷ Schor R. Op. cit., p. 37; Loez A. La Grande guerre, p. 13.

³⁸ Bloch M. Memoirs of War. 1914–1915. London, 1980, p. 78.

³⁹ Берти Ф. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. М., 1927, с. 22.

⁴⁰ Cochet F. Op. cit., p. 56; Loez A. La Grande guerre, p. 15.

В большинстве донесений настроение населения характеризуется как спокойствие, решимость, дисциплинированность, хладнокровие, солидарность и воодушевление⁴¹. Подобная сознательность и ответственность населения удивляла чиновников⁴².

6 августа 1914 г. из департамента Об сообщали: «Мобилизационные мероприятия и организация снабжения проходят в порядке и методично. Население Оба, как и войска, проходящие через этот департамент, охвачены величественным подъемом, который постоянно прорывается наружу. Вчера жена видного промышленника из Д'Арси публично заявила: "У меня есть только два сына, оба сейчас служат солдатами. Даже если мне придется оплакивать это до конца моей жизни, я пожертвую одним из них, чтобы мы победили"»⁴³.

Свидетельства о подобных проявлениях чувств относятся, прежде всего, к описаниям реакции городского населения в начале войны. Однако нельзя утверждать, что отношение к войне сельских жителей во Франции кардинальным образом отличалось от настроений горожан. В донесениях префектов подчеркивалось, что они содержат характеристику настроений во всем департаменте, включая сельскую округу⁴⁴. Отсутствие данных о массовых манифестациях патриотических чувств в деревне не влечет за собой неизбежно вывода о том, что там война была менее популярна, чем в городах. Сельские жители в меньшей степени были расположены к таким формам выражения своих настроений, как манифестации или митинги. Однако и они с готовностью откликнулись на приказ о мобилизации, несмотря на то, что он застиг их в разгар сельскохозяйственных работ.

Планомерная, быстрая и не сопровождавшаяся никакими инцидентами мобилизация войск была в то же время не единственной демонстрацией патриотического подъема во Франции летом 1914 г. "На улицах, в магазинах и трамваях, – утверждал М. Блок, – незнакомцы свободно разговаривали друг с другом; всеобщий подъем, хотя и выражавшийся зачастую в наивных и неуклюжих словах и жестах, был, тем не менее, трогательным. Мужчины по большей части не были веселы – они были решительны, а это намного лучше"⁴⁵. Об этом чувстве всеобщего единения перед лицом внешней угрозы, охватившем парижан в августе 1914 г., писал и английский журналист Ф. Гиббс: "Эмоции сдавливали сердце. В эти дни Франция казалась мне священной в своей отваге, самопожертвовании, страдании. Анархисты, революционеры, отбросы преступного мира, нищие проститутки очистились на время от всех своих грехов любовью, страстью к Франции. Они сами по себе ничего не значили. Их жизни не имели значения, только бы Франция продолжала жить"⁴⁶.

Схожие картины примирения наблюдались и в провинции. Вот как описывал атмосферу тех дней в Нарбонне современник: "Больше нет политических противников, оскорблений, обид, ненависти – все забыто. Первым делом война совершила чудо, приведя к миру, согласию, примирению людей, ранее друг друга ненавидевших"⁴⁷.

Городские и сельские жители во Франции в первые месяцы войны организовывали сборы пожертвований в пользу раненых и семей солдат, принимали в своих коммунах беженцев из оккупированных департаментов и раненых⁴⁸. Рабочие отказались от забастовок⁴⁹ и помогали в проведении сельскохозяйственных работ, оказавшихся под

⁴¹ Archives nationales (далее – AN), f. 7, 12936, 12937, 12938, 12939.

⁴² AN, f. 7, 12937, Basses-Alpes, 1914, 4 Août; Ariège, 1914, 4 Août.

⁴³ Ibid., Aube, 1914, 6 Août.

⁴⁴ Ibid., f. 7, 12936, Loir-&-Cher, 1914, 5 Août; Ibid., 12937, Aisne, 1914, 7 Août; Allier, 1914, 7 Août; Ardèche, 1914, 6 Août; Aube, 1914, 7 Août; Calvados, 1914, 18 Août; 12939, Deux-Sèvres, 1914, 4 Août.

⁴⁵ Bloch M. Op. cit., p. 78.

⁴⁶ Gibbs P. Ten Years After: A Reminder. London, 1924, p. 22.

⁴⁷ Barthas L. Les carnets de guerre de Louis Barthas, tonnelier. 1914–1918. Paris, 1981, p. 14.

⁴⁸ AN, f. 7, 12937, Aisne, 1914, 7 Août; Alpes-Maritimes, 1914, 10 Août; Ariège, 1914, etc.; 12938, Pas-de-Calais, 1914, 16 Août; Hautes-Pyrénées, 1914, 23 Août; Barthas L. Op. cit., p. 19–20.

⁴⁹ Ревякин А.В. Франция: "священное единение". – Мировые войны XX в., кн.1, с. 313; Wohl R. Op. cit., p. 52–54.

угрозой в связи с нехваткой рабочих рук⁵⁰. Таким образом, можно заключить, что население Франции встретило Первую мировую войну подлинным подъемом национальных чувств. Это проявилось не только в различных формах “военного энтузиазма”, но и в установлении социального мира, аккуратном выполнении мобилизационных предписаний, стремлении оказать помощь фронту и нуждающимся. Разница в реакции на начало войны городских и сельских жителей сводилась скорее к внешним особенностям проявления настроений, за которыми скрывалось мировоззренческое единство. В основе патриотического подъема во Франции в начале Первой мировой войны лежал широкий общественный консенсус.

Пример Франции – не исключение. Главным проявлением всеобщего патриотического подъема в Великобритании в 1914–1915 гг. стало массовое добровольческое движение. В отличие от континентальных держав, в Англии армия продолжала комплектоваться вплоть до января 1916 г. на добровольных началах⁵¹. “В течение августа и начале сентября 1914 г. на призывных пунктах в армию записалось около 500 тыс. человек, а к концу 1914 г. более 1 млн британцев стали добровольцами”⁵². Как следствие, общая численность английских вооруженных сил увеличилась в 6 раз (с 258 тыс. в конце июля 1914 г. до 1,5 млн на 1 января 1915 г.)⁵³. Если в процентном отношении наибольшее количество рекрутов приходилось на состоятельные, высшие слои британского общества, то в абсолютных значениях основой английской армии в период Первой мировой войны были выходцы из рабочей среды⁵⁴. Одновременно рабочие поддерживали призыв лейбористов и руководства тред-юнионов к установлению мира в промышленности, число забастовщиков во второй половине 1914 г. несопоставимо с довоенным временем: в июле 1914 г. бастовало 98,1 тыс. человек, в августе – 4,8 тысячи⁵⁵.

Реакция сельского населения Великобритании на начало Первой мировой войны выглядит более пассивной: число добровольцев из сельской местности было несопоставимо с числом добровольцев-горожан. Однако этот факт свидетельствует не об ограниченности патриотического подъема в Англии городским населением, а о разнице в городской и сельской культуре. Первая объективно отличалась большим динамизмом, большей погруженностью в политические проблемы, в том числе, в проблемы внешней политики. Эти различия были характерны и для континентальных держав, однако там они во многом нивелировались существованием института всеобщей воинской повинности, в Англии же, где армия комплектовалась из добровольцев, они проявились в полной мере.

Патриотический подъем в Великобритании, воплотившийся в добровольческом движении и резком прекращении забастовок, так же как и во Франции опирался на общественный консенсус по вопросу о войне. Журналист Ф. Гиббс вспоминал: «Старые классовые барьеры, глубоко укоренившиеся в английской жизни, были сметены одним легким и благородным жестом. Сыны старых знатных фамилий объединились с разносчиками, крестьянами, клерками, жителями трущоб и вместе с ними шли добровольцами на войну “во имя цивилизации”»⁵⁶.

Конечно, трактовка патриотического подъема в Англии и Франции как проявления общественного консенсуса остается лишь гипотезой. Ее можно поставить под сомнение, указав, например, что подобная характеристика настроений современников дана авторами консервативной ориентации⁵⁷. Можно также отметить, что в письмах и

⁵⁰ AN, f. 7, 13348, Paris, 1914, 7 Août.

⁵¹ *Stevenson J.* British Society, 1914–1945. London, 1984, p. 46–47.

⁵² *Прокопов А.Ю.* Указ. соч., с. 268–269.

⁵³ *Карлинер М.М.* Рабочее движение в Англии в годы Первой мировой войны, 1914–1918. М., 1961, с. 33.

⁵⁴ *Audoin-Rouzeau S., Becker A.* 14–18: Retrouver la guerre. Paris, 2003, p. 117.

⁵⁵ *Карлинер М.М.* Указ. соч., с. 35.

⁵⁶ *Gibbs P.* Ten Years After: A Reminder, p. 18.

⁵⁷ *Marwick A.* War and Social Change in the Twentieth Century, p. 80.

воспоминаниях людей той эпохи их настроения и переживания в тот момент зачастую неартикулированы, описываются очень туманно, расплывчато, что открывает широкое поле для интерпретаций. Однако эта гипотеза представляется перспективной, поскольку позволяет объяснить не только многообразие подъема патриотических чувств, но и эволюцию общественных настроений в последующие месяцы войны, когда вместо ожидаемых быстрых побед и мира “к рождеству”, война обернулась колоссальными потерями и отсутствием каких бы то ни было значительных успехов армий Антанты.

Уже осенью 1914 г. в Англии и Франции появились первые признаки усталости, упадка. Для тылового населения война все больше превращалась в рутину, притуплявшую чувства и порождавшую безразличие к перипетиям военных действий. К такому повороту событий оказались не готовы не только широкие слои населения, но и правящие классы стран Антанты.

Можно выделить несколько крупных узлов противоречий, которые вели к эрозии “священного единения” в среде политических и интеллектуальных элит Англии и Франции. Прежде всего стоит упомянуть критику правительств в связи с неудачами союзников на Западном фронте. Французская армия, поддерживаемая британским экспедиционным корпусом и остатками бельгийских войск, с большим трудом отражала натиск германских армий, устремившихся осенью 1914 г. к Парижу, постепенно отступая все дальше и дальше к столице. Еще 26 августа 1914 г. на волне военных неудач во Франции произошла смена кабинета министров. В новом правительстве были представлены практически все наиболее влиятельные политические партии, в том числе и социалисты – М. Самба и Ж. Гед⁵⁸.

Однако не прошло и недели, как политический эффект, достигнутый за счет этой меры, был во многом потерян. 2 сентября 1914 г. французское правительство, по настоянию военных, покинуло столицу. Это решение было принято исходя из угрозы, которую представляло для столицы продвижение германских армий. На горизонте замаячили тени трагических событий 1870 – 1871 гг. И без того тревожный, отъезд был крайне неудачно организован. Он, по мнению русского посла в Париже А.П. Извольского, напоминал настоящее бегство⁵⁹. Р. Пуанкаре покинул столицу поздним вечером, без всяких проводов, почти тайком; так же был обставлен отъезд министров и дипломатического корпуса. Добровольная ссылка правительства продолжалась 4 месяца. За это время его авторитет сильно упал, чему способствовали периодические скандалы, сопровождавшие пребывание высших чиновников в Бордо⁶⁰. “Политическое перемирие”, установившееся в августе 1914 г., фактически перестало существовать.

Этому в определенной мере способствовало и упомянутое вхождение в состав французского правительства нескольких министров-социалистов. С одной стороны, включение видных социалистов в состав кабинета было очень удачным политическим ходом, позволившим защитить правительство от атак слева, разделить с социалистами ответственность за ведение боевых действий и гарантировать социальный мир во время войны. С другой стороны, подобный состав кабинета таил в себе значительный конфликтный потенциал. Этот потенциал продемонстрировала конференция социалистов в Лондоне в феврале 1915 г. Конференция приняла в целом дружественную по отношению к Антанте резолюцию, которая, впрочем, содержала нападки в адрес царского правительства. Пикантность ситуации придавало то обстоятельство, что в составе французской делегации присутствовал М. Самба, министр общественных работ в кабинете Р. Вивиани. Французское правительство поспешило заверить свою союзницу, через посла в Петрограде М. Палеолога, что М. Самба выступал на конференции исключительно как член социалистической партии и ни в коей мере не выражал мнение правительства республики.

⁵⁸ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1914 г., д. 59, л. 8.

⁵⁹ Там же, л. 2.

⁶⁰ Там же, л. 8–9.

Резолюция Лондонской конференции 1915 г. вызвала возмущение и в самой Франции, поскольку провозглашала право населения аннексированных территорий на свободное самоопределение после войны. На практике это означало вынесение на народный плебисцит вопроса о принадлежности Эльзаса и Лотарингии. Поэтому участие М. Самба в конференции спровоцировало шквал критики в адрес премьер-министра Р. Вивиани, МИД и президента. Правительство выступило с заявлением, в котором подчеркивалось, что возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии является его безусловной целью и не может быть предметом плебисцита. На этом инцидент был в целом исчерпан, но он достаточно ярко продемонстрировал как расхождения во взглядах правящих классов, так и готовность их представителей использовать подобные поводы в борьбе за власть⁶¹.

Тенденции к постепенной эрозии “священного единения” проявились и в Великобритании. В конце 1914 – начале 1915 г. английское правительство столкнулось с необходимостью полномасштабной реорганизации экономической и социальной жизни страны сообразно требованиям военного времени. С одной стороны, оно было в более выигрышном положении по сравнению с континентальными кабинетами, поскольку территория Англии находилась вне опасности непосредственного вторжения неприятельских войск, к тому же в его распоряжении имелись необъятные ресурсы крупнейшей в мире колониальной империи. С другой стороны, перед кабинетом Г. Асквита встал ряд проблем, к которым экономика Англии оказалась в значительной степени неподготовленной. Речь идет в первую очередь о необходимости создания и снабжения крупной сухопутной армии для войны на континенте. На повестке дня оказались вопросы централизации производства, регламентирования отношений в промышленности. В марте 1915 г. были приняты поправки к Закону о защите королевства, расширявшие права правительства в использовании частных промышленных предприятий для военного производства и ограничивавшие права рабочих⁶². Эти меры правительства, сопровождавшиеся ростом цен в конце 1914 – начале 1915 г., привели к росту стачечного движения рабочих⁶³.

Недовольство росло и среди политической элиты, которая считала, что либеральное правительство слишком часто идет на уступки рабочим, не может ограничить рост их заработной платы, не в состоянии довести войну до победного конца, что ему не хватает решительности⁶⁴. Этими настроениями не преминула воспользоваться консервативная оппозиция, начавшая газетную кампанию по дискредитации либерального кабинета, которая достигла своеобразного пика весной 1915 г. Главными мишенями для критики стали морской министр У. Черчилль и лорд-канцлер Р.Б. Холден. Консервативные издания, принадлежавшие газетному барону А. Нортклифу, выступили с сенсационными сообщениями о “снарядном голоде”, который испытывала английская армия, и который якобы был главной причиной ее военных неудач⁶⁵.

В этой обстановке премьер-министр Г. Асквит решил сформировать коалиционное правительство и включить в него представителей консервативной партии⁶⁶. Поводом для подобного шага стала отставка первого морского лорда Дж.А. Фишера, несогласного с вмешательством У. Черчилля в вопросы военно-морского планирования. 26 мая 1915 г. был сформирован коалиционный кабинет, куда наравне с 12 либеральными министрами вошли 8 консерваторов. Это стало крупной победой английских консерваторов. Новый кабинет устраивал и либералов, поскольку они не только сохранили за собой большин-

⁶¹ Пуанкаре Р. Указ. соч., с. 480–483.

⁶² Archives du Ministère des affaires étrangères. Correspondance politique et commerciale, 1896–1918, Guerre 1914–1918, Grande Bretagne (далее – АМАЕ), v. 535, p. 161–163.

⁶³ Карлинер М.М. Указ. соч., с. 35–36, 58–59.

⁶⁴ Берти Ф. Указ. соч., с. 53.

⁶⁵ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1915 г., д. 5, л. 346; АМАЕ, v. 536, p. 66.

⁶⁶ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1915 г., д. 10, л. 2; АМАЕ, v. 536, p. 89–90; Lloyd George D. War Memoirs, v. I. Boston, 1933, p. 196–197.

ство, но и получили возможность нейтрализовать критику со стороны консервативной прессы, разделив с тори ответственность за ведение боевых действий. Лидеры союзных держав восприняли создание нового правительства как демонстрацию решимости Англии продолжать военные действия до победного конца⁶⁷.

Рост усталости и недовольства фиксировался и в настроениях широких слоев населения Англии и Франции. Во Франции “военный энтузиазм” исчез уже в сентябре 1914 г. Даже такие события, как проводы полков на фронт или встреча поездов с ранеными, в начале августа 1914 г. неизменно сопровождавшиеся многолюдными возмуженными манифестациями, в конце того же месяца превращаются в рутину, не вызывающую сколько-нибудь ярких эмоций у современников⁶⁸. Служивший на вокзале в Нарбонне Л. Барта писал: “О, непостоянство энтузиазма, переменчивость настроений толпы. Всего спустя восемь дней после прибытия первого поезда с ранеными – повсюду равнодушие, сердца пресытились. Больше никто, ни любопытные, ни зеваки не встречаются раненых, которых с каждым днем прибывает все больше, и которых уже не знают где размещать”⁶⁹.

Тяжелая атмосфера воцарилась и в столице: “Всем война уже надоела, опротивела, ничего в ней святого никто не находит и все жаждут поскорее мира. Война сказывается на раньше бурном, теперь угрюмом Париже”⁷⁰. Это письмо, перлюстрированное Особым отделом Департамента полиции российского МВД, принадлежало, вероятно, перу политэмигранта, и потому к содержащимся в нем оценкам следует подходить осторожно. В то же время схожие свидетельства встречаются и во многих других источниках.

К началу 1915 г. в отчетах о настроениях населения, составившихся префектами, все чаще стали встречаться такие эпитеты как “безразличие”, “равнодушие”, “беспокойство”⁷¹. Об упадке настроений французского населения к лету 1915 г. упоминал в своих воспоминаниях и английский посол в Париже Ф. Берти: “По стране прокатывается волна пессимизма, так как ожидания, что война закончится самое позднее осенью, оказались необоснованными, и публика видит неизбежность еще одной зимней кампании в траншеях, при этом, весьма вероятно, *не* на германской территории”⁷².

Для сельских жителей причиной роста беспокойства были отсутствие рабочих рук и, как следствие, опасения за судьбу нового урожая. Особое воздействие на настроения горожан во Франции оказывали не столько официальные информационные сводки, отличавшиеся туманностью и неопределенностью, сколько слухи, бесконечный поток беженцев и раненых, ухудшение бытовых условий⁷³. Последнее обстоятельство оказывало огромное влияние и на настроения тылового населения в Великобритании.

Несмотря на стратегически выгодное положение Англии, отделенной морем от основного театра военных действий, экономические последствия начала войны, выразившиеся в нарушении торговых связей, затруднении морских перевозок, необходимости создания и содержания крупной сухопутной армии, переориентации экономики на военные нужды, привели к дезорганизации хозяйственной жизни. Главными жертвами этих процессов стали экономически наименее защищенные слои населения. В конце 1914 г. выросли цены на продовольственные товары, что больно ударило по городским жителям. Главными объектами ненависти со стороны широких слоев населения стали многочисленные спекулянты⁷⁴. Их процветание ставило под сомнение одну из основ

⁶⁷ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1915 г., д. 10, л. 2.

⁶⁸ AN, f. 7, 12936, Bordeaux, 1914, 29 Août; 12937, Corrèze, 1914, 24 Août; Charente, 1914, 24 Août.

⁶⁹ Barthes L. Op. cit., p. 20.

⁷⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 102, оп. 365, д. 1002, л. 2193.

⁷¹ AN, f. 7, 12936, Bordeaux, 1915, 31 Jan.; Bordeaux, 1915, 15 Fév.

⁷² Берти Ф. Указ. соч., с. 60.

⁷³ Becker J.-J. The Great War and the French People. New York, 1986, p. 29.

⁷⁴ Карпинер М.М. Указ. соч., с. 35–38.

национального консенсуса: идею справедливого распределения военного бремени между всеми членами общества⁷⁵.

На рубеже 1914–1915 гг. усилилась активность рабочего движения. “Если за последние шесть месяцев в 1914 г. (в том числе пять месяцев войны) произошла 151 стачка, в ходе которых было потеряно 147 тыс. рабочих дней, – а число стачечников составляло лишь 25 тыс., то за первую половину 1915 г. число стачек возросло до 360, стачечников – до 137 тыс., а количество потерянных рабочих дней – почти до 1 млн. Начавшаяся в феврале волна забастовок продолжалась в течение всей весны 1915 г. и достигла своего наивысшего подъема в мае”, – отмечал советский историк М.М. Карлинер⁷⁶. Впрочем, рабочие выступали с экономическими требованиями и не ставили под сомнение справедливость и необходимость участия страны в войне, равно как и не считали свои действия антипатриотичными⁷⁷.

И все же, несмотря на все эти кризисные тенденции, можно утверждать, что патриотический подъем, проявившийся в августе 1914 г., продолжал в целом характеризовать общественные настроения в конце 1914 – начале 1915 г. и в Англии и во Франции. Во Франции доминирующим оставалось убеждение, что мир возможен только после разгрома Германии, что необходимо довести войну до конца⁷⁸. Эти настроения описал в письме от 14 (27) января 1915 г. анонимный автор из Канн: “У меня сложилось впечатление, что народ не примет преждевременный мир. Кровавые жертвы, уже принесенные, должны окупиться; народ желает победы, и наши враги глубоко заблуждаются, если рассчитывают вывести его из терпения или истощить его энергию”⁷⁹. Идея, что нужно “продержаться”, в случае с городскими и сельскими жителями находила свое выражение не в громких речах и публичных демонстрациях, а в повседневной работе, и в этом отношении зафиксированный выше упадок настроений касался, скорее, лишь оценочного уровня реакции. На функциональном же уровне гражданское население Франции продолжало лояльно нести военное бремя: при его активном содействии шло налаживание снабжения фронта и тыла, нарушенного немецкой оккупацией 10 северо-восточных департаментов; организовывались полевые работы; развивалась благотворительная деятельность, главным объектом заботы которой были раненые⁸⁰.

Многие представители политических и интеллектуальных элит во Франции, особенно левые, стали задумываться о справедливости новой войны, о цене возможной победы, о перспективе милитаризации общества после окончания военных действий⁸¹, но в 1914–1915 гг. эти опасения не находили широкого отклика во французской интеллигенции. Даже анархисты лояльно выполняли свой гражданский долг как в рядах действующей армии, так и в тылу, организуя сбор пожертвований в пользу своих товарищей на фронте⁸². В итоге, потенциально сильная, сплоченная оппозиция слева во Франции не превратилась в 1914–1915 гг. в источник внутренних беспорядков и не пыталась всерьез подорвать своими действиями или пропагандой легитимность республиканского строя. Она скорее служила громоотводом, позволяя, во-первых, сравнительно безопасно стравить лишнее давление в обществе, во-вторых, направляя активность своих сторонников на созидательную деятельность – благотворительность, поддержку внутреннего консенсуса. В целом весной 1915 г. в среде французской политической и интеллектуальной элиты тенденции к единству действий возобладали над всеми прочими интересами,

⁷⁵ Winter J.M., Robert J.-L. Capital Cities at War. Paris, London, Berlin, 1914–1919. Cambridge, 1997, p. 13–20, 131–132.

⁷⁶ Карлинер М.М. Указ. соч., с. 58–59.

⁷⁷ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998, с. 197.

⁷⁸ AN, f. 7, 13349, Ille-&-Villaine, 1915, 26 Jan.

⁷⁹ ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1011, л. 112.

⁸⁰ AN, f. 7, 12936, Bordeaux, 1915, 31 Jan.; 12937, Charente, 1914, 24 Août; Côtes-du-Nord, 1914, 25 Août; Lot, 1914, 28 Août; Lot. 1914, 31 Août; 12938, Hautes-Pyrénées, 1914, 23 Août.

⁸¹ AN, f. 7, 13349, La Bataille Syndicaliste, 1915, 4 Fév.; 1915, 6 Fév.; 1915, 21 Avril.

⁸² AN, f. 7, 13055, Paris, 1915, 18 Fév.

личными или партийными. Коалиционный кабинет сохранял в значительной степени доверие населения, открытая политическая борьба имела мало шансов снискать широкий отклик в народе в ситуации, когда сохранялась угроза возобновления германского наступления, а сама война велась на французской территории.

Как и во Франции, в Великобритании доминирующим настроением в рассматриваемый период можно назвать решимость, стремление выдержать все испытания во имя победы. Конечно, к весне 1915 г. воинственный пыл англичан начал ослабевать. Политический кризис в мае 1915 г. и рост забастовочного движения стали главными проявлениями наметившегося упадка настроений, однако они не означали, что патриотический подъем окончательно и бесповоротно ушел в прошлое. Они были направлены против конкретных фактов и явлений действительности, отдельных политических лидеров и не ставили под сомнение необходимость доведения войны до победного конца.

Наиболее ярким доказательством тому является тот факт, что отмеченные негативные факторы никак не сказались в рассматриваемый период на масштабах добровольческого движения, на темпах комплектования армии. Более того, пик добровольческого движения приходится не на август 1914 г., а на сентябрь-октябрь того же года⁸³. Представители самых широких слоев населения в Англии⁸⁴ в тот период остро ощущали свою ответственность за судьбы страны, цивилизации, которую она представляет, ими двигали гражданский долг и чувство товарищества по отношению к тем, кто уже был в рядах действующей армии. Ф. Гиббс вспоминал: “Каждый молодой человек, который шел на рекрутский участок, в глубине души знал, что он прощается, возможно навсегда, с любимыми им вещами и людьми, привычными благами, с самой жизнью... И все же они шли миллионами, волна за волной... Когда началась война, была настоящая одержимость Англией и родственными ей народами. Сложно представить; невозможно пережить снова – теперь”⁸⁵.

О масштабах добровольческого движения в тот период говорят следующие данные: к декабрю 1914 г. в армию записывалось еженедельно 30 тыс. добровольцев⁸⁶, этот уровень продержался в течение практически всего 1915 г., и к июлю 1915 г. в действующую армию вступили 2 млн британцев. Следовательно, реакция городских и сельских жителей в Англии в 1914 – весной 1915 гг. была стабильной.

В реакции населения Великобритании и Франции на события, связанные с началом Первой мировой войны, прослеживается много общих черт. В развитии общественных настроений этих стран можно выделить несколько этапов. Пик патриотического воодушевления приходился на август-сентябрь 1914 г., когда народ был охвачен “военным энтузиазмом” и практически прекратилось стачечное движение. Поздней осенью 1914 г. патриотические манифестации стали проходить реже, а с зимы 1914 – 1915 гг. вновь стало развиваться забастовочное движение. “Священное единение” в среде политических и интеллектуальных элит было разрушено. Однако из этих фактов не следует, что патриотический подъем окончательно ушел в прошлое, или что его как массовой реакции современников на начало войны не было вовсе.

Вопреки распространенным в современной западной историографии утверждениям о “мифе 1914 г.”⁸⁷, патриотический подъем в Англии и Франции действительно был. Более того, он не был уделом только политических и интеллектуальных элит, не ограничивался населением крупных городов, столиц, а характеризовал настроения населения рассматриваемых стран в целом. Разумеется, существовала своя специфика выражения

⁸³ Audoin-Rouzeau S., Becker A. 14–18: Retrouver la guerre, p. 116; Bourne J.M. Op. cit., p. 218.

⁸⁴ Audoin-Rouzeau S. Historiographie et histoire culturelle du Premier Conflit mondial. Une nouvelle approche par la culture de guerre? – La Grande Guerre 1914–1918: 80 ans d'historiographie et de representation. Montpellier, 2002, p. 333.

⁸⁵ Gibbs P. Ten Years After: A Reminder, p. 21.

⁸⁶ AMAE, v. 536, p. 65.

⁸⁷ Winter J.M., Baggett B. Op. cit.; Schor R. Op. cit.; Verhey J. Op. cit.; Loez A. 14–18. Les refus de la guerre; Mulligan W. Op. cit.

патриотических чувств городскими и сельскими жителями, которая обуславливалась различиями в социальном положении, культуре, традициях, коллективных способах самовосприятия. Однако абсолютизировать эти различия, противопоставлять реакцию на начало войны сельского и городского населения, как, соответственно, репрезентативную и нерепрезентативную⁸⁸, на наш взгляд, ошибочно.

Подобное противопоставление проистекает из не совсем корректного сведения патриотического подъема исключительно к таким формам проявления общественных настроений, как патриотические (шовинистические) манифестации, провоенные митинги, эмоциональные проводы полков на фронт и т.п. Отчасти, из этой не совсем корректной методологической предпосылки следуют и споры в современной западной историографии о существовании самого явления патриотического подъема. Гораздо более важными и репрезентативными, с точки зрения характеристики общественных настроений в первые месяцы войны, представляются такие факты, как успешная и быстрая мобилизация армий континентальных держав, массовый приток добровольцев в английскую армию, повсеместное прекращение стачек и забастовок в промышленности, масштабная благотворительная деятельность, резкое снижение накала политических противоречий и классовой борьбы. Эти формы реакции на события Первой мировой войны были присущи как городским, так и сельским жителям, как политическим и интеллектуальным элитам, так и широким слоям населения. Они свидетельствуют, что патриотический подъем в странах Антанты опирался не на сиюминутный взрыв шовинизма, не был лишь кратковременной аффектацией или массовой истерией, иначе бы он попросту не выдержал первых испытаний новой, индустриальной по своему характеру войны, которые не замедлили последовать уже осенью 1914 г., не выдержал бы первых разочарований, которые были связаны с крахом надежд на быструю победоносную войну. Однако население Англии и Франции в целом на протяжении всего рассматриваемого периода продолжало лояльно нести военное бремя, продолжало идти на жертвы и лишения во имя победы. Это позволяет заключить, что в основе патриотического подъема лежал широкий общественный консенсус по вопросу о войне.

Прочность и границы этого консенсуса, естественно, были неодинаковыми и различались от страны к стране. Наибольшей стабильностью в рассматриваемый период, на наш взгляд, отличался консенсус по вопросу о войне в Англии. По сравнению с Францией он в меньшей степени подвергался негативному воздействию объективных проблем, порожденных Первой мировой войной, так как участие Англии в военных действиях носило в рассматриваемый период ограниченный характер. Однако и во Франции, несмотря на дезорганизацию хозяйственной жизни, огромные людские потери и постепенное падение авторитета правительства, война с Германией продолжала восприниматься как подлинно национальное дело практически всеми социальными группами. Большую роль при этом играли соображения оборонительного патриотизма: война велась на территории Франции, целый ряд ее департаментов был оккупирован неприятелем.

⁸⁸ *Audoin-Rouzeau S., Becker A. Op. cit.; Loez A. La Grande guerre.*